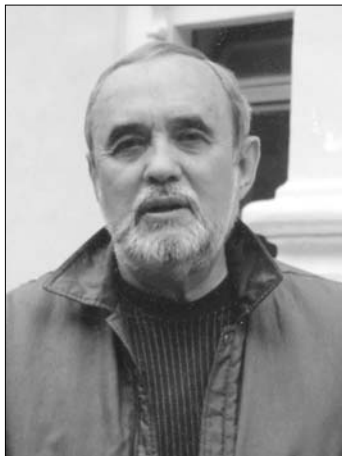

БОРИС СИРОТИН

И ЛИШЬ ГОДА ТЕСНЯТСЯ ЗА ПЛЕЧАМИ...

* * *

Вижу я — озорница синица
Посещала мой номер опять,
И со всякой небрежной страницы
Умудрилась все буквы склевать.

Может, это, конечно, во благо,
Только вывод печально простой:
Как приехал с пустою бумагой,
Так уеду с бумагой пустой.

В путь-дорогу зовёт электричка.
И в пространство я тихо зову:
Ты верни мои вирши, синичка,
Ведь они ещё, верно, в зубу.

Что вы думаете — прилетела,
Села рядом, я еле дышу,
И вернула мне то, что хотела,
Остальное потом допишу.

СИРОТИН Борис Зиновьевич родился в 1934 году в оренбургской деревне. Автор многих стихотворных сборников, постоянный автор журнала, Лауреат Всероссийской премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

Может, даже получится лучше,
Я признателен птичьей игре...
Вот такой-то невиданный случай
Был со мной в золотом сентябре.

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГЛУШКОВОЙ

Я не могу на кладбище пойти.
Не то чтобы такое не под силу...
Глушкова Таня, ты меня прости,
Один я не найду твою могилу.

Не положу к ногам твоим цветок,
Не постою в раздумьи и печали.
Я, Таня, как и прежде, одинок,
И лишь года теснятся за плечами.

А их, увы, всё меньше впереди,
И год-убийца где-то правит косу,
А мы не с места, Господи, прости,
Привязанные к “русскому вопросу”.

И с этой нам дороги не сойти,
А ты ушла, воительница, рано,
Но в помощь нам идут твои стихи,
Труды твои, бесстрашная Татьяна.

А осень в Переделкине всё та ж,
В садах твоя любимая поспела
Антоновка, и осы на этаж,
Где ты творила, залетают смело.

Но нет тебя, нет на столе плодов,
И тыкаются осы в стол пустынный.
И только тонкий запах из садов,
И ветер скорби, на котором стыну.

НА ОБУГЛЕННОЙ ВЕТКЕ

Выстрел молнии, быстрый и меткий,
Прямо в липу на пойме, но вот
Соловей на обугленной ветке
Как ни в чём не бывало поёт.

А надломится ветка... Ну, что же...
И на землю упасть — не пропасть,
Ибо жизнь ничего не итожит,
Вечной жизни ничтожная часть.

Вновь обманчиво ясное небо
Нам готовит гремучую смесь,
Чтоб лишились насущного хлеба,
Что молитвенно выпрошен днесь.

И зывают к нам добрые предки:
Вы не прячьтесь в укромном углу!
Можно и на обугленной ветке
Петь Господнему Солнцу хвалу!

ПОТЕПЛЕНИЕ

И наступило потепленье
Пичужки объявились враз,
И слышен писк их — пусть не пенье,
И мощен колокольный глас.

И купол золотой сквозь листья
Горит, и чудно ощущать,
Как Свет Господний в сердце влился
И на душе его печать.

Как мне отрадно, будто внове
Всё это, вспоминаю вдруг
Свои несчастные любви —
Их излечил сей свет, сей звук.

Сам провоцируя разлуку
Я удивлялся: почему
Вновь принимаю эту муку?
И в сотый раз я не пойму.

Всё проходило, доблий воин
Вновь выносился на щите.
Зато сейчас я так спокоен
В своей душевной нищете.

“СТАРЕЙШИЙ”

Никогда и не думал, что буду “старейшим”,
Я едва не полвека ходил в молодых,
И любил злую водку и ласковых женщин,
И менты меня весело били под дых.

Потому что поэт, да ещё забияка,
И моя слишком лёгкой казалась судьба,
Вот они и старались, и не видели знака
Посередь моего многодумного лба.

А теперь я “старейший”, прошли все ушибы,
И давно нет на теле моём синяков,
И серьёзные лица блатного пошиба
Жмут мне руку при встрече без обиняков.

Они любят поэтов, хотя не читали
Ни одной моей строчки — да то пустяки,
Ибо я им в “низке”, в том самарском подвале,
С кружкой пива в руке говорил про стихи.

А теперь я “старейший”, как пишут газеты,
И себе, мол, счастливую выбрал судьбу,
Только вот петушки, молодые поэты,
В белых тапочках видят меня и в гробу.

И почётное имя ко мне не пристало,
Только Волга обнимет священной водой —
И уже не “старейший” я, даже не старый,
Хоть, конечно, давно уже не молодой.